

собственные выводы иной раз не кажутся достаточно убедительными, — польская византистка умеет обнаружить новые аспекты исследования, новый подход к источнику, сохраняя при этом, как правило, необходимую осторожность.

А. К.

**D. M. METCALF. THE SLAVONIC THREAT TO GREECE CIRCA 580:
SOME EVIDENCE FROM ATHENS. ¹**

„Hesperia“, XXXI, 1962, p. 134—157.

**D. M. METCALF. THE AEGEAN COASTLANDS UNDER THREAT:
SOME COINS AND COIN HOARDS FROM THE REIGN OF HERACLIUS.**

„The Annual of the British School at Athens“, 57, 1962, p. 14—23

Вопрос о возможности использовать нумизматические данные для изучения истории средневековья активно обсуждается в последние годы, и многие исследователи, ссылаясь на неполноту и случайность монетных находок, отказывают монете в праве быть источником по средневековой экономике ¹. Споры нет, монетные находки и неполны, и случайны, — однако вряд ли более случайны и неполны, чем известия средневековых письменных памятников. Мы не можем быть гарантированы от ошибок, опираясь на нумизматический материал, не можем быть уверены, что дальнейшие находки не заставят пересмотреть прежние выводы, но разве выводы, построенные на хрониках или надписях, оказываются принципиально более устойчивыми? Напротив, нумизматика дает исследователю в руки большие цифры, по теории вероятности в какой-то мере элиминирующие возможность грубых просчетов. Разумеется, было бы рискованным строить заключения только на анализе монет, но проверенный и подкрепленный археологическими и письменными источниками язык монеты может оказаться весьма красноречивым.

Работы Д. Меткалфа, крупного английского нумизмата, весьма интересны в этом отношении. Они показывают, что может извлечь историк из монетных данных.

Статьи Меткалфа посвящены анализу двух групп памятников: монетных комплексов конца VI в. из Афин и кладов начала VII в. с островов и побережья Эгейского моря. Исследователь подробно описывает пять афинских монетных комплексов и приходит к выводу, что все они были зарыты около 582/3 г. («Hesperia», p. 147). Некоторые из них были обнаружены в местах, носивших явные следы пожара (стр. 136), и это дает Меткалфу основание предполагать, что деньги были спрятаны или потеряны в связи с каким-то бедствием, обрушившимся на Афины. Поскольку Менаандр сообщает о набеге славян на Грецию в 578/9 г., а по свидетельству Иоанна Эфесского они оставались там и в начале 80-х годов, Меткалф склоняется к мысли, что нумизматически засвидетельствованное бедствие Афин было результатом славянского набега. Предположение это вполне вероятно, хотя и не может быть начисто исключена возможность иного объяснения (например, случайный большой пожар в городе).

Во второй статье английский нумизмат описывает ряд кладов из Сард и других центров в бассейне Эгейского моря и приходит к выводу, что массовое зарывание денег было связано с критическим моментом в жизни империи около 615 г., вызванным натиском славян и персов («Annual», p. 16).

Мысль Меткалфа о том, что обострение внешнеполитической ситуации влечет за собой учащение случаев зарывания сокровищ, вполне естественна. Эту же мысль, кстати сказать, высказывала И. В. Соколова в статье, оставшейся Меткалфу неизвестной ². Трудность, однако, заключается в том, что в средние века почти каждый год доставлял человеку опасности, вынуждавшие его зарывать свои сбережения. Обращаясь к эпохе, обследованной Меткалфом, мы можем поставить некоторые вопросы, кажущиеся мне непростыми. Почему, скажем, угроза в 615 г. была более серьезной, чем в 626 г., когда авары, славяне и персы осадили Константинополь? Почему афинские монетные комплексы датируются не ранее 582/3 г., тогда как набег славян на Элладу произошел, по Меткалфу, в 578/9 г.? (С этим набегом он отождествляет и поход, описанный Иоанном Эфесским, который А. П. Дьяконов датировал 581 г.)³

¹ См. особенно К. F. Morrison. Numismatics and Carolingian Trade: a Critique of the Evidence. «Speculum», XXXVIII, 1963, № 3. Применительно к византийской нумизматике те же мысли развивал С. Врионис: S. Vrionis. An Attic Hoard of Byzantine Gold Coins (668—741). ЗРВИ, VIII/4, 1963.

² И. В. Соколова. Клады византийских монет как источник для истории Византии VIII—XI вв. ВВ, XV, 1959, стр. 55.

³ А. П. Дьяконов. Известия Иоанна Эфесского и сирийских хроник о славянах VI—VII вв. ВДИ, 1946, № 1, стр. 32 и сл.

По-видимому, интенсивное зарывание кладов не всегда приходится на время наибольшей опасности, а в некоторых случаях может отражать локальные явления сравнительно скромного масштаба (не главное вторжение славян в Элладу в 578/9 г., а действия отдельных отрядов, ворвавшихся или врывающихся в Афины).

Кстати сказать, используемые Меткалфом монетные комплексы — не всегда клады. Он сам остроумно показал, что большое количество медных 20-нуммиевых монет, найденных на сгоревшей афинской мельнице, не было запрятано сознательно, перед лицом грозившей опасности: их обнаружили не под полом, а на полу, где они, видимо, рассыпались, когда во время пожара опрокинулся стол с вырубкой мельника («Hesperia», p. 140). Выход этих денег из обращения не связан с зарыванием клада.

Итак, к выводу Меткалфа надо сделать одну оговорку: клады в какой-то мере отражают нарастание политической опасности, но отражают не адекватно. Не всегда и не везде увеличение числа кладов — неременный признак нарастания политической опасности, и наоборот, было бы рискованным, например, предполагать, что сокращение числа кладов в конце VII и VIII в. — показатель стабилизации внешнеполитического положения империи.

Помимо неадекватности отражения политической ситуации в числе кладов, следует учитывать еще одно обстоятельство: чтобы терять и зарывать деньги, надо их иметь. Я хочу сказать, что с уменьшением количества денег в обращении уменьшается и количество зарываемых кладов (а особенно количество зарываемой и теряемой монеты). Иными словами, обилие оставшейся от столетия (или от города) монеты есть — в грубых чертах — свидетельство экономического подъема. Конечно, множество обстоятельств способно затемнить картину, и все же подобная постановка вопроса является правомерной.

Меткалф касается экономической истории лишь попутно, однако его выводы весьма существенны. Он обращает внимание на то, что в кладах начала VII в., обнаруженных на островах и на побережье Эгейского моря, встречаются (и подчас в большом количестве) монеты, чеканенные на монетных дворах восточных городов империи. Он считает это показателем размаха морской торговли на Эгейском море в начале VII в. («Annual», p. 20). Он признает далее спад (a low ebb) византийской монетной чеканки в эпоху между Константином II и Василием I (стр. 18) и соответственно говорит о возрождении провинциальной торговли (прежде всего приморских центров) с IX в. (стр. 14)⁴.

Значение работ Меткалфа не только в тщательном анализе отдельных монетных комплексов, но и в реабилитации монеты как исторического источника.

А. К.

КЕРАМИКА И СТЕКЛО ДРЕВНЕЙ ТМУТАРАКАНИ

М., 1963, стр. 187

До недавнего времени история Тмутаракани оставалась почти совершенно туманной. И не удивительно: разрозненные свидетельства русских и греческих письменных источников не позволяли составить сколько-нибудь целостную картину, а таманская экспедиция 1930 г. дала крайне незначительный материал¹. Систематические раскопки 1952—1955 гг. под руководством Б. А. Рыбакова в какой-то мере восполнили этот пробел; рецензируемая книга и является первой, пока еще предварительной попыткой классифицировать, оценить и осмыслить накопленные данные.

Книга эта — не систематический обзор, не монография, но сборник статей, написанных участниками раскопок. Центральная статья сборника, принадлежащая С. А. Плетневой, посвящена средневековой керамике из Таманского городища (стр. 5—72). Автор не ограничивается типологией таманской керамики, но на основании типологического анализа предлагает периодизацию истории Тмутаракани V—XV вв. Плетнева выделяет следующие 6 периодов (стр. 63): послегуннский (V—VII вв.), хазарский (VIII—первая половина X в.), русский (вторая половина X—XI в.), половецкий (XII—первая половина XIII в.), татарский (середина XIII—начало XIV в.), генуэзский (XIV—XV вв.).

Послегуннский период в Тмутаракани отличается сохранением позднеантичной керамики. По-видимому, критические события IV столетия не привели к перелому в истории материальной культуры города, оказавшегося сравнительно мало затрону-

⁴ См. об этом также Д. М. Metcalf. The New Bronze Coinage of Theophilus and the Growth of the Balkan Themes. «American Journal Society Museum Notes», 10, 1962.

¹ А. А. Миллер. Таманская экспедиция ГАИМК. «Сообщ. ГАИМК», 1931, № 1. Ср. еще И. И. Ляпушкин. Славяно-русские поселения IX—XII вв. на Дону и Тамани. МИА, 6, 1941.